

**АВТОР И АДРЕСАТ В ЖАНРЕ “ПИСЬМО В ГАЗЕТУ” (НА МАТЕРИАЛЕ
ЭМИГРАНТСКИХ И СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ 20–Х ГГ. XX. В.)**

© 2018 г. Е. А. Никишина

Кандидат филологических наук, старший преподаватель Национального
исследовательского университета “Высшая школа экономики”
(Факультет гуманитарных наук, Школа лингвистики), Россия,
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
helene_nikichina@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 19 января 2018 г.

**ON THE AUTHOR AND THE ADDRESSEE IN THE GENRE
OF “LETTER TO THE EDITOR” (ON THE MATERIALS
OF THE EMIGRANT AND SOVIET NEWSPAPERS OF THE 1920S.)**

© 2018 г. Elena A. Nikishina

Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
at the National Research University Higher School of Economics
(Faculty of Humanities, School of Linguistics), 21/4 Staraya Basmannaya
Ulitsa Moscow, 105066, Russia
helene_nikichina@mail.ru

Received by Editor on January 19, 2018.

В статье рассматриваются особенности автора и адресата в жанре “письмо в газету” в двух разных коммуникативных пространствах: в эмиграции и в советской России. Фигура автора писем в газеты рассматривается с точки зрения двух оппозиций: 1) Количество пишущих: персональный vs. коллективный автор; 2) Личностное начало в тексте: человек частный vs. человек социальный. Анализ способов выражения автора в тексте писем позволяет показать, что в советских газетах “общественное” тяготеет над “частным”, в то время как в письмах в эмигрантские газеты эти две сферы представлены в равной мере. Ключевым для анализа адресата в рамках данного жанра является участие в соответствующей коммуникативной ситуации не одного, а трех типов адресата: массового, формального и целевого. Массовый адресат – это вся читательская аудитория газеты, формальный – редактор газеты, к которому автор письма обращается ради соблюдения норм этикета, под целевым адресатом понимается человек или группа людей, к которым в действительности обращено речевое намерение автора письма, и которые упоминаются в тексте письма. В статье показано, как взаимодействуют эти три типа адресата и какими языковыми средствами они обозначаются в письмах, при этом особое внимание уделяется различиям между письмами в эмиграции и в СССР. Одним из важных выводов является тот факт, что наличие массового адресата в коммуникативной ситуации “письмо в газету” приводит к очень важным смещениям в области типовых интенций конкретных типов писем.

In the article, properties of the author and the addressee in the genre of letter to the newspaper in the Soviet Union and in the emigration society are considered. The description of the figure of the author is based on two oppositions: 1) the number of authors: individual vs. collective author and 2) the level of privacy: private vs. social person. The analysis of the ways of marking the author in the texts of letters makes it evident that in the Soviet newspapers, the ‘social’ domain prevails over the ‘personal’ one, while in the letters to the emigrant newspapers, these two domains are equally represented. As the data show, the most important for the analysis of the addressee is to distinguish the following three types of the addressee: the mass addressee, the formal addressee, and the principal one. The mass addressee includes the whole readership of the newspaper. The formal one is the editor-in-chief of the newspaper, who the author of the letter addresses just to observe the courtesy norms. By the principal addressee, I mean the person or the group of people whose attention or reaction is really important for the author and who are mentioned in the body of letter. Throughout the article I show in which manner these three types of the addressee interact with each other and which language

mechanisms serve to introduce them, the particular attention being given to the differences between the letters to the Soviet and to the emigrate newspapers. One of the important conclusions I draw in the end of the article is that the presence of the mass addressee in letters to newspapers leads to substantial shifts in communicative purposes of specific types of letters.

Ключевые слова: письма в газету, свойства автора и адресата, косвенный адресат, иллокутивная сила, речевой жанр, языковые особенности писем в газету, массовая коммуникация, этикетные формулы.

Key words: letters to newspapers, properties of author and addressee, indirect addressee, illocutionary purpose, genre of discourse, linguistic properties of letters to newspapers, mass communication, courtesy forms.

DOI:

ВВЕДЕНИЕ

Каждый речевой жанр связан с той или иной внеязыковой ситуацией. Именно поэтому при описании отдельно взятого жанра следует учитывать структуру коммуникативной ситуации, в которой он функционирует¹. Каждая ситуация имеет свои особенности и зависит от многих факторов, таких как число участников общения, их социальные и коммуникативные характеристики, отношения между ними, пространство и время в котором данная коммуникация осуществляется, характер ее протекания и т.п. Для удобства описания ситуация общения традиционно представляется в виде модели.

Мысль о создании модели коммуникации приходила в разное время представителям самых разных наук – от математики до антропологии. В лингвистике одна из первых моделей коммуникации – это модель К. Бюлера [2], в которой выделяется три составляющих речевого акта: “отправителя”, “получателя”, “предметы и ситуации”. Р. Якобсон разрабатывает свою коммуникативную модель, добавив к модели К. Бюлера еще три компонента. Именно эта модель коммуникации и получила наибольшую популярность в отечественной лингвистике [3, с. 193–230]. Обычно эта модель изображается в виде схемы:



Обзору моделей речевого общения можно было бы посвятить не одну страницу, и тем не менее

¹ Основоположник отечественной теории речевых жанров М.М. Бахтин указывает на то, что выбор речевого жанра определяется «спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п.» [1, с. 270].

в настоящее время вопрос о том, возможна ли одна модель, с равной степенью адекватности учитывающая, скажем, данные деловой переписки и разговора в общественном транспорте, остается открытым. На данный момент ее, скорее всего, не существует в силу крайнего разнообразия встречающихся речевых произведений и ситуаций их порождения. Однако неоспоримым является тот факт, что абсолютно во всех моделях, вне зависимости от целей и задач конкретных исследований, к которым они приспособлены, вне зависимости от их сложности (начиная от 3-компонентной у К. Бюлера, заканчивая 16-компонентной у Д. Хаймса [4]), среди основных компонентов речевой ситуации указываются **участники коммуникации**².

В теории речевых жанров существуют свои универсальные модели, которые используются как инструмент для описания различных речевых жанров, создания их “портретов”. Пожалуй, самая известная модель речевого жанра в отечественном жанроведении – это модель Т.В. Шмелевой [7]. В ней образ автора и образ адресата фигурируют в числе семи ключевых конститутивных признаков, характеризующих модель речевого жанра.

Таким образом, остановимся на утверждении, что важнейшими компонентами любой коммуникативной ситуации являются партнеры по общению – адресант (автор) и адресат. А значит, ни одно описание речевого жанра не будет полным без учета образа автора и адресата. В настоящей статье мы подробно остановимся на особенностях автора и адресата в одном конкретном речевом жанре “письмо в газету”. В качестве материала нами использовались письма, опубликованные с 1920 по 1929 гг. на страницах четырех газет: двух эмигрантских (“Последние новости” и “Воз-

² Ср. модели коммуникации, предложенные в работах [5], [6] и др.

рождение”)³ и двух советских (“Правда” и “Известия”)⁴, все они печатались под рубрикой “Письмо в редакцию”. Исследование проведено на корпусе, состоящем из 480 писем читателей в газеты.

I. Автор

Роль автора является центральной в любой коммуникативной ситуации, поскольку именно автор, или адресант (далее мы будем пользоваться термином “автор”) является инициатором общения. Именно автор выбирает тему высказывания, определяет его цель и формирует его языковой облик. При создании своего речевого произведения автор выбирает стратегии и тактики, позволяющие как можно более успешно воздействовать на адресата.

Прежде всего, отметим, что мы рассматриваем авторов писем лишь с точки зрения коммуникативной ситуации, в которой они участвуют, т.е. автор интересен для нас как участник коммуникации со всем набором присущих ему признаков, таких как языковая компетенция, социальный статус и пр., но мы не исследуем его индивидуальные языковые характеристики. Именно поэтому вопрос о возможной фальсификации писем в советские газеты не принципиален для нас. Иначе говоря, **референциальный статус автора письма** (в терминах Е.В. Падучевой), **то, в какой мере автором письма действительно является конкретное лицо, чье имя указано в подписи, не важны для данного исследования.**

Автор как одна из важнейших категорий текста массовой коммуникации рассматривается в научной литературе, посвященной языку СМИ, с разных точек зрения. Так, существует классификация, основанная на двух показателях: объем (количественный критерий) – в зависимости от этого выделяют персонального и коллективного автора, и статус автора (качественный критерий) – позволяющий различать частного, публичного и социального автора [8]. В соответствии с концепцией Г.Я. Солганика, фигура автора должна описывать-

ся с учетом оппозиции: автор – “человек частный” vs. “человек социальный” [9, с. 75] (эта оппозиция соответствует второму параметру Н.В. Муравьевой). Как частный человек, автор проявляет интерес к частному человеку, частной жизни других людей. Как человек социальный, автор выступает прежде всего не от своего имени, а выражает социальные, групповые или корпоративные интересы. Эти классификации касаются автора медиатекста в широком смысле, но применительно к жанру “письмо в газету”, как нам кажется, они не менее актуальны.

В предлагаемой нами классификации учитываются оба упомянутых выше критерия, позволяющие говорить о следующих типах автора писем в газету:

1) Количество пишущих – **персональный автор vs. коллективный автор.**

2) Личностное начало в тексте – **человек частный vs. человек социальный.**

I.1. Персональный vs. коллективный автор

И в эмиграции, и в советской России автором писем в газету мог быть как отдельный человек, так и группа людей. Эти два типа автора мы соответственно будем называть персональным и коллективным.

Персональный автор – это один человек, который пишет лично от себя, см. примеры (1) – (4).

ЭГ: (1) *Прошу Васъ – въ виду появляющихся въ печати неточныхъ свѣдѣній – настоящимъ письмомъ моимъ не отказать, подтвердить, что всѣ мои, въ “Последнихъ Новостяхъ” помѣщенные “замѣтки художника”, равно какъ и все то, что я [Г.К. Лукомский – Е. Н.] предполагаю въбудущемъ (sic!) писать – является мнѣниемъ лично моимъ, какъ художника и критика, и ни въ коемъ случаѣ съ дѣятельностью моею, какъ секретаря комитета группы русскихъ художниковъ “Миръ Искусства” не связано.* (ПН-21.06.1921).

(2) *Въ день моихъ именинъ я [Митрополит Евлогий – Е. Н.] получилъ столько сердечныхъ трогательныхъ, мною незаслуженныхъ выражений преданности и любви, что я не нахожу словъ для выражения полноты и глубины моихъ благодарныхъ чувствъ.* (В-02.03.1927).

СГ: (3) *Я, Михаил Красовский, осмотрищик вагон ст. “Тихвин”, Сев. жел. дор., вступая в ряды Р. К. П. Б. отрекаюсь от партии социалистов-революционеров правого течения, в каковой я, Красовский, состоял с 1902 по 1919 год, работая как активный подпольный работник.* (П-28.08.1920).

³ Газету «Последние новости», ежедневно выходившую в Париже с 27 апреля 1920 г. по 11 мая 1940 г., называют центральным органом русской эмиграции. Главным редактором газеты был П.Н. Милоков.

«Возрождение» – ежедневная газета, тоже издававшаяся в Париже, – начала издаваться 3 июня 1925 г. и выходила до 7 июня 1940 г., главный редактор – П.Б. Струве.

⁴ «Правда» – ежедневная газета, орган ЦК и МК ВКП (б), издававшаяся в Москве, (была основана В.И. Лениным в 1912 г.). Эта газета считалась самой массовой и популярной в СССР.

Газета «Известия» начала издаваться в Москве с 12 марта 1918 г. – также ежедневное издание, по существу, очень похожее на «Правду».

(4) Прочитав в “Известиях ЦИК СССР и ВЦИК” от 2 октября с.г. (№ 226) фельетон “Тяжелый случай в Брянске”, категорически заявляю, что я [академик Бехтерев – Е. Н.] никакого “уполномоченного-ассистента” по лекциям не имею, а следовательно, такового не могло быть и в Брянске. (И-11.10.1927).

Персональный автор чаще всего говорит о себе в первом лице (использует местоимения и формы глаголов 1-го лица), но иногда встречаются случаи не самой стандартной автореференции, когда автор говорит о себе в третьем лице, см. примеры (5) и (6):

СГ: (5) *Сотрудник комиоблисполкома тов. Елфимов просит всех, знающих по работе и по тюрьмам т. Разумного, Георгия Мироновича, сообщить о нем по адресу: г. Усть-Сысольск, облисполком.* (П-01.01.1928).

(6) *Старший следователь северо-кавказского краевого суда по Терскому округу Малашов просит всех старых революционеров периода 1892–1917 г.г., знающих б. члена партии “Народная Воля”, а позже социалистов-революционеров Прохорову, Акулину Даниловну, <...>, сообщить ему по адресу: гор. Пятигорск, Советский пр., д. № 25, свои адреса на предмет получения от них по месту жительства свидетельских показаний.* (И-06.05.1926).

Третье лицо для обозначения автора нередко используется в эпистолярном жанре в широком смысле (как в частной, так и в деловой переписке), ср.: Пишет вам ваш покорный слуга Петр Иванов, – а также в телефонных разговорах, ср.: Здравствуйте // Вас беспокоит сосед снизу // и в объявлениях, ср.: Одинокий мужчина без вредных привычек снимет комнату. Можно было бы предположить, что данный тип автореференции в целом больше характерен для дистантной коммуникации и используется как средство объективации адресанта, но и в устной контактной коммуникации адресант может говорить о себе в третьем лице, ср. например, жанр повседневной городской коммуникации “просьба о милостыне”, подробно описанный в [10, с. 381–408]: *Подайте старенькой бабушке.* Вероятнее всего, способ автореференции адресанта зависит сразу от нескольких факторов, среди которых важное место занимает жанр. Так в нашем корпусе писем такой тип автореференции, при котором персональный автор пишет о себе в третьем лице, встречается чаще всего в письмах-просьбах.

Коллективный автор – это, как правило, либо организация, созданная сознательно и предполагающая стабильное существование и некоторый установленный состав участников (см. примеры (7) – (10)), либо просто группа людей, объединенных некоторыми обстоятельствами (примеры (11) – (14)).

ЭГ: (7) *Инициативная группа Русских рабочих завода “Деляжъ” просит вас не отказать помѣстить въ уважаемой вашей газетѣ слѣдующую замѣтку <...>* (ПН-03.07.1925).

(8) *Правление Русского Рабочего Союза во Франци, черезъ посредство Вашей уважаемой газеты, приносит искреннюю признательность Парижской русской колонии <...>* (В-11.08.1925).

СГ: (9) *Главное курортное управление просит вас не отказать поместить несколько слов по поводу статьи тов. Самарина “Наша Ривьера” в № 117 от 24 мая сего года.* (И-05.06.1924).

(10) *Всесоюзное общество культурной связи с заграницей просит поместить в вашей газете письмо инженера Н.Н. Шишкина и со своей стороны примет меры к вызову С. Кригера и организации соревнования.* (И-27.05.1928 (I)).

ЭГ: (11) *Мы, группа окончивших курсы прикладного искусства (процессы по матеріямъ) при Русскомъ Народномъ Университетѣ, выражаемъ благодарность директору Университета Н.В. Дмитриеву <...>* (В-05.07.1926).

(12) *Отъ души желая дальнѣйшаго существованія и расширенія Убѣжища, мы, родители, просимъ частныхъ благотворителей и общественныя организации поддержать это истинно русское дѣло на пользу русскихъ дѣтей.* (В-18.01.1929).

СГ: (13) *Мы, беспартийные красноармейцы, в количестве 245 человек, едущие в бессрочный отпуск поездом № 94, получили в г. Харькове от РВСР подарки: папирсы, спички, ложки, гребешки и пр. предметы, а также хорошую баню и чистое белье, за что глубоко благодарим всех товарищей, заботящихся о нас.* (И-04.06.1921).

(14) *Мы, студенты, присланные по нарядам Главнопрофобра в Москву из разных городов на длительную производственную практику, были размещены в общежитии Ломоносовского института по улице Герцена, д. № 5/1.* (И-03.09.1929).

Как видно из примеров (7) – (10), в тех случаях, когда коллективный автор – организация, для обозначения автора чаще всего используются формы глаголов третьего лица. С одной стороны, как и в случае с персональным автором, это обусловлено речевыми канонами дистантного общения, а с другой, тем, что в таких письмах фигура автора полностью “обезличена”⁵. Когда же письмо написано группой (примеры (11) – (14)), чаще используется стандартная форма автореференции – автор

⁵ Впрочем, роль может играть и то, что местоимение *мы* не слишком хорошо сочетается с названиями организаций в единственном числе.

говорит о себе в первом лице. Здесь, как и в случае с персональным автором, тип автореференции зависит также от жанра или коммуникативного намерения автора, так примеры (7), (9) и (10) – письма-просьбы или просьбы о публикации, а примеры (11) – (14) – разные жанры.

Кроме того, анализ фигуры автора позволяет сделать одно важное наблюдение социологического характера: организации, которые становятся авторами писем в газеты, имеют разный статус в эмиграции и в советской России. В СССР это, как правило, организации, выстраивающиеся в систему государственных учреждений, например, заводы, институты, издательства и т.п. В эмиграции все организации созданы на общественных началах. Это понятно, поскольку у эмигрантов нет системы государственных учреждений, куда могли бы встроиться их организации. Эмигрантские организации, это чаще всего, волонтерские объединения, созданные для сбора пожертвований или оказания помощи обездоленным, например, *Комитетъ помощи больнымъ евреямъ “Бикуръ Холимъ”*, *Ниццкій Дамскій Комитетъ помощи крымскимъ бѣженцамъ*, *Комитетъ по сбору средствъ на перевезеніе тѣла генерала Врангеля и увѣковѣченіе его памяти* и т.п.

Нередко встречаются случаи, когда письмо в газету написано одним человеком, но выступает он при этом не от себя лично, а от имени коллектива – такого автора мы тоже считаем коллективным, поскольку в коммуникативной ситуации на первый план выходят не его персональные характеристики, а то, что он является членом коллектива. Данный тип коллективного автора легко отличим от персонального, поскольку он всегда вводится словами *от имени*, *от лица* или *по поручению*, см. примеры (15) – (18).

ЭГ: (15) *По порученію инициативной группы, имѣю честь просить караимовъ, проживающихъ въ Парижѣ, пожаловать, на организационное собрание для обсуждения вопроса взаимопомощи и организации караимскаго благотворительнаго общества.* (ПН-14.12.1923 (I)).

(16) *Разрѣшите при посредствѣ вашей уважаемой газеты, отъ лица Русскихъ военныхъ инвалидовъ, проживающихъ во Франціи, принести глубокую признательность Ольгѣ Дмитриевнѣ О-Донель <...> Предсѣдатель Союза Генералъ – Маіоръ Чекотовскій.* (ПН-09.07.1929).

СГ: (17) *Разрешите просить вас от имени исполкома МОПР поместить решительный протест по поводу чудовищной ошибки, допущенной журналом “Огонек” <...> С революционным приветом секретарь ИК МОПР М.А. Кушнер.* (И-18.03.1925).

(18) *Позвольте через посредство вашей газеты принести от лица всей профессуры, студенчества и сотрудников Московской гос. Консерватории глубокую признательность всем учреждениям <...> Ректор Консерватории К. ИГУМНОВ.* (В-02.04.1927).

Помимо той информации, которую можно почерпнуть об авторе из текста письма в газету, а точнее, из содержательной его части (как в большинстве приведенных выше примерах), мы можем многое узнать об авторе из подписи к письму. И в эмигрантских, и в советских газетах подпись как элемент эпистолярного этикета является неотъемлемой частью писем читателей. Сведения, которые автор письма сообщает о себе в подписи, могут как дублировать то, что уже известно об авторе из предшествующего текста письма, так и нести в себе новую информацию. Остановимся на том, какого рода информацию можно извлечь из подписи к письму в газету:

– чаще всего это фамилия и/или имя, иногда в сокращенном виде:

(19) *Аркадій Аверченко* (ПН-03.09.1920); *А. Глазуновъ* (ПН-20.08. 1929); *Н. Семашко* (И-12.05.1927); *Аросев* (П-10.07.1927).

– помимо имени и фамилии часто указываются сведения, определяющие социальный статус, среди них профессия и/или должность:

(20) **ЭГ:** *Капитанъ парохода “Тигръ” В. Коперницкій* (ПН-29.12.1920); *Командиръ казачьей сотни джиитовъ С. Панасенко* (В-15.06.1925); *Предс. Пр. Общ. Б.В.Р.С.Ш. въ Парижѣ Ю. Валикъ* [Председатель Общества бывших воспитанников Русской Средней Школы в Париже – Е. Н.] (В-16. 02. 1927).

СГ: *Завед. центр. административн. отд. Выси. Сов. Нар. Хоз. Саакянц* (П-24.03.1921); *Заведующий отделом подписных и периодических изданий П. Гуров* (И-21.03.1924); *Инженер Сергей Струков* (И-09.04.1924).

– звание:

(21) **ЭГ:** *Генералъ-лейтенантъ Миллеръ* (ПН-11.05.1921); *Митрополитъ Евлогій* (ПН-03.05.1926).

СГ: *Академик Бехтерев* (И-11.10.1927); *Народные артисты республики К.С. Станиславскій. ВЛ. И. Немирович-Данченко* (П-13.11.1928).

– титул (только в эмигрантских письмах):

(22) *Княгиня Е.Д. Шаховская* (ПН-18.12.1920); *Графъ Г. Сюзоръ* (ПН-09.11.1921); *Княгиня Ирина Павловна* (В-17.05.1929).

– иногда указываются данные, определяющие связь автора с темой, затронутой в письме, назо-

вем это **актуализированным социальным статусом** пишущего:

(23) ЭГ: *Прихожанинъ Православной Церкви въ Парижѣ Федоръ Ивановичъ Кривуцъ* (ПН-11.08.1921) – подпись к письму о православной церкви;

Русскій бѣженецъ Павелъ Чикаренко (В-28.12.1925) – подпись к письму о трудностях, связанных с устройством на работу беженцев.

СГ: *Вдова покойного М.Н. Сумбатова* (П-04.11.1927) – подпись к письму-благодарности за проведение похорон А.И. Южина-Сумбатова.

В случаях, когда автор письма – это группа людей, объединенных обстоятельствами, в подписи может содержаться указание на эти обстоятельства:

(24) ЭГ: *Группа туберкулезныхъ больныхъ. (Слѣдуютъ подписи)* (ПН-29.06.1922).

СГ: *Раненые красноармейцы. Следуют подписи* (П-10.11.1920).

В случаях, когда автор письма – организация, в подписи указывается название организации и/или имя, фамилия и должность лиц, выступающих от имени этой организации:

(25) ЭГ: *Правленіе Общества Русскихъ Врачей имени Мечникова* (В-11.02.1926); *Предсѣдатель Н.Д. Авксентьевъ. Управляющій дѣлами К.Р. Кровопусковъ. Секретарь, Сергей Штернъ* [от имени Объединенія Земскихъ и Городскихъ Дѣятелей – Е. Н.] (В-06.01.1927).

СГ: *ДЕТКОМИССИЯ ПРИ ВЦИК* (И-28.02.1928); *Председатель Сахарова. Секретарь И. Решетков* [от имени Президиума союза рабочих швейной промышленности – Е. Н.] (П-03.02.1921).

В нашем корпусе встретилось несколько “анонимных” писем: это письма, авторы которых не указывают своей фамилии. Интересно, что даже в таких письмах, как правило, есть подпись, однако она не позволяет читателю установить конкретного референта. В подписях к анонимным письмам может указываться:

– инициалы или иные сокращения, по которым невозможно восстановить полное имя и фамилию пишущего:

(26) ЭГ: *М-ва* (ПН-30.12.1928) – автор письма – женщина; *Ш-въ* (ПН-22.10.1929) – автор письма – мужчина.

СГ: *П. А.* (П-27.05.1920); *Л. С.* (П-15.02.1921).

– актуализированный социальный статус пишущего без указания имени и фамилии:

(27) ЭГ: *Усталые* (ПН-28.07.1921); *Прихожанинъ* (ПН-08.09.1921); *Постоянный читатель “П. Н.”* [газеты “Последнія новости” – Е. Н.] (ПН-18.08.1922); *Иностранецъ* (В-11.11.1925 (П)); *Инженеръ П.* (ПН-14.09.1926); *Агроном В. Ш.* (ПН-01.01.1928).

СГ: *Работница* (И-26.08.1920); *Свои* (И-18.09.1924); *Коммунист* (П-11.02.1920); *Жилец* (П-11.12.1920); *Ткачиха* (П-20.05.1925); *Крестьянин-бедняк* (П-20.08.1927).

Возможно, автор предпочитает не называть своего имени не только и не столько для того, чтобы остаться анонимным, обезличить себя, а лишь по той причине, что в данном случае ему кажется гораздо более важным указать свое “**социальное имя**” [11, с. 46], т.е. важнейшие социальные характеристики, отметить свою причастность к той или иной социальной группе. Об этом желании пишущих в газеты «отметиться», маркировать себя в общественной иерархии пишут Н.Н. Козлова и И.И. Сандомирская [11, с. 46] (но речь идет о газетах уже перестроечного периода): «Пишущий явно жаждет, чтобы распознали его именно как члена группы <...> Эти самоподтверждения – симптоматика социального ритуала. Ряд писем свидетельствовал, однако, что и в минуты ужаса и жизненной усталости человек тоже выкрикивает, выстанывает свое социальное имя»..

Таким образом, информация, которая указывается автором письма в подписи, распадается на две группы: 1) информация объективная, не связанная с содержанием текста письма, см. примеры (19) – (22), и 2) информация, связанная с содержанием, см. примеры (23) – (24) и (27).

Информация об авторе не является необходимой для многих типов писем, (назовем их **поджанрами**⁶), но в таких поджанрах, как, например, письма-благодарности и письма-отречения автор всегда должен быть известен, поскольку без этого не выполняется главная функция письма. Иллокутивное намерение автора реализуется в письмах этих поджанров только в ситуации конкретной автореферентии, именно поэтому среди них нет анонимных писем.

1.2. Человек частный vs. человек социальный

Второй критерий, который важен для описания фигуры автора писем в газете, – это личностное начало в тексте, то есть то, насколько в письме затрагивается

⁶ Термином «поджанр» мы обозначаем конкретные типы писем, выделяемые на основе четырех параметров: иллокутивного намерения автора письма (или типовой интенции), композиции, тематического содержания и стиля (языковых средств). Так, поджанрами следует считать такие разновидности писем в газету, как сообщение, жалоба, просьба, благодарность и др.

личная сфера автора (о понятии “личная сфера” см. [12, с. 25–30]⁷). Личностное начало мы оцениваем с точки зрения темы письма: чем больше тема письма касается лично автора письма, тем выше личностное начало в тексте, и наоборот (то есть речь идет скорее о шкале, чем о строгой оппозиции). Противопоставление человек частный vs. человек социальный самым непосредственным образом коррелирует с уже рассмотренной нами оппозицией персональный vs. коллективный автор. Действительно, персональный автор часто выступает как частный человек, поскольку он пишет, как правило, о том, что касается лично его или его близкого окружения, т.е. о том, что входит в сферу частной жизни, в его личную сферу. Вместе с тем, есть письма, в которых персональный автор, пишущий лично от себя, все же касается тем, относящихся к сфере общественной жизни⁸. Такими, например, нередко бывают письма-сигналы в советских газетах:

СГ: (28) В селе Белогорье, Воронежской губ., улицы пересекают промоины до сажени глубины. Был также в центре села единственный общественный колодец. Группа местных хулиганов сломала верхнюю часть сруба и бросила в колодец, приведя его в негодность. Колодец находится возле милиции, сельсовета и рика, но они также бездействуют, как и колодец. Кто бы их спрыснул живой водой? Крестьянин-бедняк. (П-20.08.1927).

Коллективный автор — это почти всегда “человек социальный”, потому что темы писем, написанных коллективными авторами, относятся к сфере общественной (социальной) жизни. Правда, существует несколько исключений, когда темы, типичные для частных писем, затрагиваются несколькими авторами. Примером служит следующее письмо, в котором несколько членов одной семьи пишут о личном деле:

⁷ «В эту [личную — Е. Н.] сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально — некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы, природа, поскольку он образует с ней одно целое, дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты, боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании. Личная сфера говорящего подвижна — она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации. В частности, в некоторых ситуациях она расширяется настолько, что в нее входят и незнакомые говорящему люди, его “ближние”» [12, с. 28].

⁸ Более того, в советских газетах чаще всего публиковались именно такие письма, это была общая установка советской печати. См., например, статью В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», в которой он сформулировал основополагающие принципы партийной печати: всюду «вносить живую струю живого пролетарского дела» и полностью освободить печать от «буржуазно-анархического индивидуализма» [13].

ЭГ: (29) М.Г. Господинъ Редакторъ,

Не откажите въ любезности помѣстить эти строки.

Мы, семья, покойной Оли Демчинской приносимъ невыразимую благодарностъ всѣмъ, кто старался съ нами спасти ее. Н.Е. Попову съ семьей, невѣдомому сердечному человѣку приславшему 1000 фр., на ея лечение и не пожелавшему назвать себя, докторамъ — проф. К.С. Агаджаняницу и д-ру Финикову, сестрѣ милосердія Е.И. Троцкой, родной семьѣ летчиковъ и ихъ правленію, всѣмъ друзьямъ и знакомымъ такъ горячо отозвавшимся на ея страданія и наше горе.

Семья Оли Демчинской. (В-16.05.1928).

Исходя из общих представлений о советском обществе, может сложиться ощущение, что автор письма в советскую газету — это в основном человек социальный. Т.е., по сравнению с эмиграцией, в советских газетах должно быть больше писем от коллективных авторов и от персональных авторов, выступающих в “социальном амплуа”. От эмигрантских же писем интуитивно ожидается, что автор чаще выступает как человек частный. Эту гипотезу мы попробовали проверить статистически. Для этого мы подсчитали количество писем с персональным и с коллективным автором, при этом всех персональных авторов мы поделили на четыре категории в соответствии с тем, как формально выражен в них автор, а именно, какая информация о нем указывается: 1) социальный статус и имя; 2) только имя; 3) только социальный статус; 4) имя и социальный статус не указаны. Мы предполагали, что в тех случаях, когда автор указывает свой социальный статус, он вероятнее всего выступает как человек социальный, а когда указывается имя или инициалы, он — человек частный. Результаты подсчетов отражены в приведенной ниже таблице:

Подсчеты не подтвердили нашу гипотезу, получилось даже наоборот: писем с коллективным автором чуть больше в эмиграции, чем в СССР (31% > 27%), а писем, в которых персональный автор не указывает своего социального статуса, больше в СССР, чем в эмиграции (44% > 37%). Таким образом, подсчет, основанный на формальных показателях автора, не дал положительного результата. Именно поэтому мы обратились к другому фактору, отражающему соотношение личного и частного в рассматриваемых письмах, — к теме (тематическому содержанию) писем.

Тема — трудно формализуемая сущность, поэтому ее трудно описать статистически. В письмах многих типов порой бывает невозможно однозначно оценить, входит тема письма в личную сферу автора или относится к общественной жизни. Поэтому мы

	Персональный автор				Коллективный автор
	Указан социальный статус и имя	Не указан социальный статус, указано только имя	Указан социальный статус, не указано имя	Не указан социальный статус, не указано имя, есть инициалы	
ЭЭГ	60 писем (25%)	89 писем (37%)	6 писем (2,5%)	11 писем (4,5%)	74 письма (31%)
	166 писем (69%)				
ССГ	60 писем (25%)	106 писем (44%)	6 писем (2,5%)	3 письма (1,5%)	65 писем (27%)
	175 писем (73%)				

отказались от мысли определить степень личностного начала для всех типов писем. Тем не менее, есть один тип писем, для которого эта процедура возможна, — это письма-просьбы (под этим названием мы объединяем сразу три близких типа писем — просьбы, призывы и предложения). Так, к сфере частной жизни относятся собственно письма-просьбы, то есть все просьбы, в которых автор просит оказать помощь лично ему или другим конкретным лицам (как правило, знакомым или родственникам), а к сфере общественной жизни — просьбы, призывы и предложения, касающиеся сразу большого количества людей и имеющие общественное значение. Количественный анализ имеющихся в нашем корпусе писем-просьб показал, что в советских газетах явно преобладает количество писем, относящихся по теме к общественной сфере, тогда как в эмигрантских газетах почти одинаково часто встречаются письма на общественные и личные темы (подробнее об этом см. [14, с. 211–235]). Таким образом, на примере писем-просьб, нам удалось проиллюстрировать тот факт, что в советской прессе “общественное” преобладает над “частным”, а автор чаще выступает как человек социальный (это полностью соответствует концепции советской печати, изложенной в [13]). В эмигрантских же письмах в равной мере представлены два типа автора — человек частный и человек социальный.

Кроме того, в письмах в советские газеты легко заметить еще одну корреляцию между социальным статусом автора письма и его содержанием: чем в большей степени содержание письма касается личной сферы автора, тем вероятнее, что автор — известное лицо. Письма простых людей публиковались в том случае, если они касались какого-то общественного вопроса, содержали предложение по улучшению той или иной ситуации и пр., т.е. в тех случаях, когда персональный автор выступал в амплу социального человека. В эмиграции такой тенденции нет. По всей вероятности, это различие

указывает на то, что советское общество было в большей степени ранжировано.

II. Адресат

Роль адресата в создании любого текста не менее важна, чем роль автора. “Можно сказать, что любой адресат выступает как своеобразный соавтор любого текста” [15, с. 77]. Действительно, автор (пишущий или говорящий), создавая свое речевое произведение, непременно ориентируется на то, как оно будет воспринято и интерпретировано его адресатом. В зависимости от того, на какой перлокутивный эффект, то есть на какое восприятие и на какую реакцию, рассчитывает автор, он выстраивает свой текст тем или иным образом. Именно поэтому мы можем совершенно по-разному рассказать об одном и том же событии разным людям.

Говоря об образе адресата в рамках жанра “письмо в газету”, следует иметь в виду, что коммуникативная ситуация, в которой функционирует данный жанр, предполагает участие не одного, а трех типов адресата, назовем их массовым, формальным и целевым (прямым). Остановимся подробнее на каждом из этих типов⁹.

⁹Помимо этих трех типов, в письмах в советские газеты часто имеются прямые обращения к советской власти и ее упоминания, поэтому можно говорить еще об одном типе адресата — **сверхадресате** или «большом брате» (см. [16, с. 100]). К сверхадресату обращаются обычно в форме лозунгов и призывов, восхваляющих советскую власть или клеймящих все антисоветское. Ср: *Вперед, товарищи! Не думайте, что мы и наши семьи забыты Советской властью.* (П-23.10.1920); *Да здравствует всемирная рабочая и крестьянская власть! Да здравствуют наши вожди т.т. Ленин и Троцкий! Да здравствует непобедимая и мощная Красная армия!* (И-05.12.1920); *Огромная сеть культпросветов, клубов, комячеек, раскинутая по всей России, творит великое дело борьбы с темной и невежеством.* (П-10.11.1920).

II.1. Массовый адресат

Одним из главных параметров коммуникативной ситуации, в которой функционируют рассматриваемые нами письма, является публичность общения. Письма публикуются на страницах крупных газет, поэтому, как и любой другой газетный жанр, они рассчитаны на то, что их прочтает большое количество людей. Таким образом, основным отличием писем читателей в редакцию от остальных разновидностей эпистолярных текстов (частной переписки, деловой корреспонденции и др.) является ориентированность на массового (или публичного) адресата. Даже письма, формально адресованные одному человеку или ограниченному кругу людей, но предназначенные для публикации в газете, все равно обладают свойством массовой адресации, так как их может прочесть любой, кто возьмет в руки эту газету. Ср. слова М.И. Калинина: “Письмо в газету, хотя бы и на мое имя, уже не есть частное письмо, частная жалоба, а документ: автор своим письмом стремится произвести политическое действие, он обращает внимание общества на известное ему зло, выявляет его причины, часто предлагая и соответствующие средства исцеления зла” (цит. по [17, с. 5]). Действительно, сам факт того, что автор отправляет свое письмо в газету для публикации, делает этот поступок общественно значимым.

О том, какое влияние оказывает присутствие массового адресата на текст писем, мы рассмотрим ниже, после того, как объясним понятия формального и целевого адресатов.

II.2. Формальный адресат

Формальным адресатом мы будем считать редактора газеты, в которую направлено письмо. Как правило, наличие / отсутствие формального адресата на содержание письма и на успешность осуществления иллюкутивного намерения автора не влияет, оно отражает большую / меньшую вежливость письма. Тем не менее, в письмах из эмигрантских газет формальный адресат присутствует всегда – к нему обращаются с помощью так называемых этикетных формул. Есть формулы, предваряющие содержательную часть письма и завершающие ее. К предваряющим формулам относится обращение: *Милостивый Государь Господинъ Редакторъ!*; *Многоуважаемый г. Редакторъ*, – в эмигрантских газетах и *Уважаемый / глубокоуважаемый / многоуважаемый товарищ редактор!*; *Товарищ редактор!*; *Уважаемый гражданин редактор!*; *Уважаемый товарищ!* – в советских газетах. Из приведенных обращений становится понятно, что в сознании пишущих газету как учреждение, куда можно

обратиться по какому-либо вопросу, олицетворяет, прежде всего, ее главный редактор¹⁰. При этом неизвестно, насколько велика вероятность того, что все эти письма попадают в руки самому редактору.

С помощью обращения “устанавливается и поддерживается речевой контакт с собеседником, регулируются представления о ситуации общения в целом и ролевых позициях партнеров, их социальных и личных взаимоотношениях” [Формановская 2002: 86]. Все приведенные выше обращения могут многое сообщить о той коммуникативной ситуации, в которой они фигурируют. Так, взглянув на одно только обращение, можно безошибочно сделать вывод о том, в какой газете было напечатано это письмо – в эмигрантской или в советской, – и дело здесь не только в разной орфографии. Как известно, развитие общества, изменения политических ориентиров в нем приводят к изменениям в речи, эти изменения остро и быстро проявляются в сфере обращений. Так, согласно [15, с. 90], после Октябрьской революции произошла резкая перемена обращений: номинации социального неравенства (*милостивый государь, сударь, господин* и др.) полностью ушли из употребления в советском обществе, уступив свое место обращению *товарищ*, воплощающему социальное равенство.

Обычно обращение, которое находится в позиции ко всему остальному высказыванию (так называемое “свободное обращение”), реализует не только фатическую (контактоустанавливающую) функцию, но и апеллятивно-вокативную функцию, поскольку призывает собеседника к вниманию [15, с. 86]. В случае с письмами в газету обращение к редактору, хотя и является свободным, все же носит сугубо формальный характер, поскольку в большинстве писем основным адресатом (адресатом, к которому обращена главная иллюкуция письма) является не редактор газеты. В связи с этим и фатическая, и апеллятивная функции обращения как бы девальвируются: контакт устанавливается не с тем, к кому письмо, по сути, обращено (а обращено оно к целевому адресату – об этом см. ниже). То есть обращение к редактору – это просто дань вежливости. Формальность обращения выражается еще и в том, что во многих письмах полная формулировка заменяется сокращениями такого типа: *М. Г., господинъ редакторъ!*; *М. г., г. редактор, Ув. Тов. Редактор*, а в некоторых

¹⁰ В нашем корпусе есть лишь несколько писем, в которых автор обращается не к редактору газеты, а ко всей редакции целиком, например: *Прошу редакцию «Правды» не отказать напечатать следующее...* (П -14. 07. 1922).

случаях превращается практически в полную аббревиатуру: *М. Г., Г. Р.*

Помимо обращения, к предваряющим этикетным формулам¹¹, обращенным к формальному адресату (редактору) относится также просьба о публикации письма на страницах газеты.

ЭГ: (1) *Не откажите предоставить въ редактируемой вами газетѣ мѣсто нижеслѣдующимъ строкамъ.* (ПН-14.12.1923 (I)).

(2) *Прошу помѣстить мою просьбу къ русскимъ людямъ.* (ПН-27.08.1924).

(3) *Увѣренъ, что мое открытое письмо къ г. П. Брюнелли найдетъ мѣсто на гостеприимныхъ столбцахъ вашей газеты, какъ нашла и статья “Чернорабочій” (ном. 1330).* (ПН-04.10.1924).

(4) *Группа русскихъ матерей, живущихъ въ Марсели, въ “Camp Victor Hugo” проситъ Васъ не отказать помѣстить ихъ благодарность по отношенію къ лицамъ, взявшимъ на себя заботу по устройству елки для дѣтей дѣтскаго сада, находящагося при лагерѣ.* (ПН-04.01.1925).

(5) *Позвольте просить васъ не отказать разрѣшить обратиться черезъ столбцы вашей уважаемой газеты къ русскому обществу въ Парижѣ.* (ПН-14.10.1925).

(6) *Разрѣшите черезъ посредство Вашей уважаемой газеты, выразить глубокую благодарность правленію и всѣмъ членамъ “Зарубежной Казны”, удѣляющимъ средства для снабженія русскихъ дѣтей книгами русскихъ писателей.* (В-17.05.1929).

СГ: (7) *Настоящимъ прошу васъ не отказать дать место в вашей газете нижеслѣдующимъ строкамъ связаннымъ с рядомъ неверныхъ циркулирующихъ слуховъ по поводу “парафинового процесса”.* (П-06.05.1922).

(8) *Прошу редакцію “Правды” не отказать напечатать следующее.* (П-14.07.1922).

(9) *Прошу васъ незамедлительно опубликовать от моего имени нижеслѣдующее заявленіе.* (П-28.10.1922).

(10) *Прошу васъ, не откажите в напечатаніи моего письма в вашей газете.* (П-12.11.1925).

(11) *Уважаемый товарищ редактор, не откажите поместить это письмо, которое, быть-можетъ (sic!), обратитъ внимание нашихъ руководителей просвещения на одинъ пробел.* (И-26.08.1920).

Как видно из примеров, просьба о публикации встречается как в чистом виде, см. примеры (1), (2), (7), (8), (9), (10), так может и одновременно

но указывать на основную интенцию письма: примеры (4) и (6) – благодарность, (5) – обращение с просьбой, (11) – письмо-сигнал и т.п. Таким образом, просьба о публикации может встречаться в письме любого поджанра. Кроме того, просьба о публикации, как и обращение, в большинстве случаев имеет клишированную форму выражения, это не что иное, как речевой шаблон газетной коммуникации. Отклонения от стандартной формы выражения встречаются сравнительно редко: так, в примере (3) просьба о публикации выражена косвенным речевым актом.

Помимо рассмотренных случаев, фигура формального адресата (редактора газеты) присутствует еще и в завершающих этикетных формулах писем:

ЭГ: (12) *Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ къ Вамъ почтеніи.* (ПН-28.02.1925).

(13) *Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и таковой же преданности.* (В-11.08.1925).

(14) *Примите, г-нъ редакторъ, выраженіе нашего совершеннаго уваженія.* (ПН-11.06.1929).

(15) *Заранѣе благодаря Васъ за напечатаніе настоящаго письма, прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.* (ПН-11.12.1929).

СГ: (16) *Примите уверения в совершенном к вам почтеніи.* (И-25.04.1923).

(17) *Примите уверение в совершенном почтеніи.* (И-08.04.1924).

(18) *Примите уверение в совершенном к вам уваженіи.* (И-06.05.1925).

Завершающие этикетные формулы имеют еще более клишированный характер, чем обращения и просьбы о публикации. Поэтому, как и обращения, их часто сокращают: *Примите и проч., Примите и пр.* Подобные сокращения свидетельствуют о конвенциализированности этикетного общения в рамках эпистолярного жанра в эмиграции в рассматриваемый период. Трудно представить, что письмо в газету в наше время могло бы начинаться аббревиатурой *М. Г. Г. Р.*, а заканчиваться словами *Примите и пр.* Такое письмо не было бы понятно сегодняшнему читателю.

Интересно отметить, что завершающие этикетные формулы практически полностью вышли из употребления в советских газетах: если в эмиграции “уверение в совершенном почтеніи” это неотъемлемый атрибут в конце каждого письма, то в советских газетах их почти нет. В нашем корпусе встретилось всего 3 письма с такими формулами, см. примеры (16) – (18). По-видимому, аналогично этим этикетным формулам в советских письмах стали использоваться следующие: *С товарищеским*

¹¹ Просьба о публикации иногда встречается и в конце письма, но это явление скорее единичного характера.

/ коммунистическим / революционным приветом. После подобной формулы следует подпись.

Что же касается предваряющих этикетных формул (обращения и просьбы о публикации), то, в отличие от эмиграции, их тоже можно обнаружить лишь в сравнительно небольшом количестве советских писем, то есть формальный адресат не всегда представлен в письмах в советские газеты. Это явление хорошо иллюстрирует общую тенденцию развития советского дискурса: в постреволюционной России прежний этикет ушел из обращения, а новый еще не укрепился. С.И. Ожегов отмечал, что "... первые годы революции, годы борьбы со свергнутыми классами и укрепления советского строя характеризуются массовым устранением, переходом в пассивный запас лексики, связанной со старым государственным строем и буржуазным бытом", в том числе уходят слова специфически интеллигентского обихода ("не откажите", "благоволите сообщить", "милости прошу") [18, с. 34].

В середине письма обращение к формальному адресату или даже косвенные отсылки к нему встречаются крайне редко.

Помимо формального адресата, в каждом письме в газету присутствует целевой адресат.

II.3. Целевой адресат

Под целевым адресатом письма понимается человек или группа людей, к которым в действительности обращено речевое намерение автора письма, и которые упоминаются в тексте письма. Во всех приведенных ниже примерах целевой адресат выделен полужирным шрифтом:

ЭГ: (19) *Милостивый Государь г-нъ Редакторъ! Позвольте мнѣ при посредствѣ Вашей уважаемой газеты выразить глубокую благодарность американо-консулу Воллосъ, и г.г. Батолину, Захарову, Скидельскому и Чермоеву, пожертвовавшимъ по 500 франковъ за билетъ на устроенный мною концертъ въ Клариджъ-Отелъ въ пользу русскихъ бѣженцевъ...* (ПН-18.12.1920).

(20) *Многоуважаемый г-нъ Редакторъ! Позвольте мнѣ, черезъ посредство вашей газеты обратиться ко всѣмъ русскимъ матерямъ, находящимся во Франціи, съ горячимъ призывомъ объединиться въ "Общество спасенія русскихъ дѣтей во Франціи" и посвятить ему всѣ силы, всю энергію и материнскую любовь, которая поможетъ намъ.* (ПН-19.01.1922).

(21) *29 мая (по новому стилю — 11 іюня), — пятьдесятъ лѣтъ со дня взятія русскими войсками гор. Хивы — столицы Хивинскаго ханства.*

Прошу боевыхъ товарищей откликнуться, сообщить, въ какой части служилъ, чинъ, имя, отчество, фамилію, при какихъ обстоятельствахъ находился въ отрядѣ. (ПН-12.06.1923).

(22) *М. Г. г-нъ Редакторъ, Не откажите въ любезности помѣстить въ Вашей уважаемой газетѣ слѣдующее обращеніе:*

"Хабаровцы! 11 октября по старому стилю исполняется сорокъ лѣтъ со дня основанія Хабаровской школы, переименованной въ кадетскій корпусъ. <...> Просимъ откликнуться тѣхъ, кто еще не состоитъ членомъ Союза. (В-19.09.1928).

СГ: (23) *Мы, раненые и больные красноармейцы Запфронта, находящиеся на излечении в г. Калуге, II госпитале, искренно приветствуем и благодарим нашу Советскую власть за добросовестное лечение, безукоризненную чистоту и уход.* (П-10.11.1920).

(24) *Мы, красноармейцы N стрелкового полка, N-ской дивизии, приносим глубокую благодарность Красному Московскому Союзу Печатников за присланную нам в полк библиотечку <...>* (П-06.01.1921 (II)).

(25) *Оргбюро землячества настоящим приглашает всех участниц гражданской войны (активных работниц в Красной армии, Красной гвардии и партизанских отрядах), проживающих в Москве, зарегистрироваться у секретаря оргбюро т. Зданевич...* (И-11.06.1929).

(26) *В целях выяснения обстоятельств гибели моего брата Н.Е. Шляпникова, семья которого проживает в настоящее время в Коломне, в дер. Лукерьино, и другого брата И.Е. Шляпникова и его сына Михаила, которые, по имеющимся сведениям, были зверски расстреляны Колчаком (в Семипалатинской губ., местечко Пестов Ключь), прошу дать ответ т. Бавева и др., которые работали по революционной работе совместно с братом Николаем (в г. Липецке), а также тех товарищей, которые знают подробности о кончине брата Ивана.* (П-12.12.1924).

Наличие или отсутствие упомянутого в тексте целевого адресата зависит от типа письма и связано с общей коммуникативной установкой автора. Так, в письмах-сигналах обращение к целевому адресату важнее, чем в письмах-сообщениях, поскольку автору важно не просто сообщить о чем-то, но привлечь внимание именно той официальной инстанции, которая может исправить нежелательную ситуацию, изложенную в письме-сигнале. В письмах-благодарностях реализация иллюкутивного намерения автора вообще невозможна без указания целевого адресата, так как благодарят всегда кого-то конкретного.

В нашей выборке встретилось несколько писем, где формальный адресат совпадает с целевым, — это письма, главным адресатом которых является редактор газеты:

ЭГ: (27) *М.Г. Павелъ Николаевичъ*. [Обращение к редактору газеты “Последние новости” П.Н. Милюкову — *Е. Н.*]

Вы ходите на острѣвъ ножа, хотя въ послѣднихъ номерахъ “Новостей” чувствуется, что взятый вами курсъ травли Русской Арміи Вы стараетесь нѣсколько смягчить. Будучи совершенно безпристрастнымъ и скорѣе вашимъ заступникомъ, я считаю долгомъ предупредить Васъ, что Вамъ грозитъ серьезная опасность со стороны тѣхъ, которые не в силахъ были сорганизоваться (sic!) и проявить достаточное напряженіе противъ техъ, которые ихъ травили сознательно или подъ чьимъ нибудь влияніемъ.

Примите увѣреніе въ моему уваженію. (Подпись неразборчива) Парижъ, 7 іюля 1921 года. (ПН-10.07.1921).

Кроме того, в нашем корпусе немало писем, в которых целевой адресат совпадает с массовым, это происходит в тех случаях, когда коммуникативное намерение автора обращено непосредственно ко всей читательской аудитории газеты, при этом автор может как эксплицитно обращаться к публике, см. примеры (28) — (35), так и не упоминать массового адресата вообще — в этом случае можно по смыслу понять, что автор обращается ко всем читателям газеты.

ЭГ: (28) *Покорнѣйше прошу всѣхъ желающихъ принять участіе въ проектируемомъ мною кооперативѣ, сообщить мнѣ о своемъ согласіи по адресу... (ПН-09.11.1921).*

(29) *Приводя выше изложенные факты, мы обращаемся съ просьбой ко всѣмъ, кто можетъ и долженъ придти къ намъ на помощь и улучшить наше существованіе и лѣченіе. (ПН-24.05.1922).*

(30) *Мы обращаемъ свой голосъ ко всѣмъ отзывчивымъ членамъ русской колоніи въ Парижѣ. Мы просимъ всѣхъ, имѣющихъ квартиры, удѣлить теплый и свѣтлый уголь одному изъ нашихъ нуждающихся товарищей. (ПН-16.09.1922).*

(31) *Правленіе Общества Русскихъ Врачей въ Парижѣ, имени Мечникова, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что “третьейская комиссія” по дѣлу Южина (псевдо — врача) не могла состояться вслѣдствіе уклоненія его отъ предъявленія документовъ <...>. (ПН-22.06.1924).*

СГ: (32) *Уважаемые товарищи! На дняхъ в “Правде” была напечатана статья т. М. Кольцова, в которой онъ рассказываетъ о новыхъ подвигахъ убійцы т.*

Воровскаго—Морина Конради. <...> По-моему русскимъ читателямъ эту пикантную подробность слѣдуетъ знать. (П-11.10.1924).

(33) *Товарищи рабочие, работницы и красноармейцы!*

Приветствуемъ васъ от имени интернированныхъ красноармейцевъ и поздравляемъ васъ с третьей годовщиной Октябрьской революціи; думаемъ, что вы еще насъ не забыли. Приветствуемъ васъ от имени всехъ товарищей лагеря Гамельна, где провели празднованіе третьей годовщины такъ же, как и вы, но только вамъ пришлось провести праздникъ свободно, не так, как намъ за четырьмя стенами.

Дорогие товарищи! Думаемъ и мы возвратиться к вамъ на родину, и возьмемъ за свое строительство, необходимое для Советской Россіи. (И-05.12.1920).

(34) *Обращаюсь с убедительной просьбой ко всемъ лицамъ и учреждениямъ, знающихъ, где можно в пределах РСФСР найти одну изъ упомянутыхъ выше книгъ, сообщить по адресу... (П-17.02.1923 (I)).*

(35) *Поэтому заявляю передъ всемъ общественнымъ мнѣніемъ вообще и передъ всеми московскими рабочими в частности, а также передъ всеми анархистскими организациями Россіи, что я в настоящий моментъ не буду вести никакой политической и организационной работы какъ в массахъ, так и в организацияхъ анархистовъ, в анархо-синдикалистскомъ духе. (И-30.09.1921).*

Помимо техъ случаев, где формальный, целевой и массовый адресат легко различимы, встречаются письма, в которыхъ граница между ними представляется более размытой. В этомъ отношеніи интересно рассмотреть примеры (38) и (39):

ЭГ: (36) *Поэтому Русскій Отдѣлъ Информационнаго Бюро на Иностранныхъ Языкахъ (быв. Амер. Кр. Креста) обращаетъ вниманіе вашихъ [редактора — *Е. Н.*] читателей и другихъ лицъ заинтересованныхъ въ розыскѣ родныхъ и знакомыхъ на слѣдующій порядокъ письменнаго къ намъ обращенія... (ПН-23.06.1921).*

(37) *Разрѣшите мнѣ, пожалуйста, обратиться къ вамъ [к редактору — *Е. Н.*] и просить черезъ посредство вашей уважаемой газеты обратитъ вниманіе вашихъ читателей на мое безвыходное, критическое положеніе. <...> Умоляю добрыхъ людей откликнуться и посильно помочь: буду искренне и чистосердечно благодарна. (ПН-30.12.1928).*

В этихъ примерахъ в конфликтъ вступаютъ формальные и смысловые показатели целевого адресата. Если брать в расчетъ только формальный признак — использование притяжательного местоименія 2-го

лица (*вашихъ читателей*) — стандартный показатель адресата, — то получается, что целевой адресат — это редактор, но если обратиться к содержанию письма, становится понятно, что коммуникативное намерение автора относится ко всем читателям, т.е., по смыслу, целевой адресат — это читатели. Необычно здесь то, что обращение к двум типам адресата заключено в одной номинальной группе *вашихъ читателей*.

Не менее часто в рамках одного письма присутствуют сразу три типа адресата, при этом массовый адресат, как правило, вообще не упоминается в тексте. Итак, вне зависимости от типа письма и наличия или отсутствия в нем указания на формального или целевого адресата, автор письма всегда помнит о публичности своей речи. Таким образом, даже обращаясь к конкретному целевому адресату, автор понимает, что его речевое намерение станет известно всем читателям газеты, то есть массовому адресату. Итак, в случае, когда в тексте нет эксплицитного обращения к массовому адресату, мы будем говорить о **косвенном массовом адресате**.

В лингвистике традиционно рассматривается противопоставление между двумя типами адресата: **прямым** (непосредственным, конкретным, персональным, единичным) и **косвенным** (вторичным, побочным) [19], [20], [15] и др. (см. список типичных приемов выражения прямого и косвенного адресата в конце данного раздела). Под **прямым** адресатом понимается такой адресат, к которому непосредственно обращено коммуникативное намерение говорящего. Говорящий всегда выстраивает свое речевое произведение с расчетом на то, как оно будет воспринято прямым адресатом, при этом фигура прямого адресата эксплицитно выражена в тексте: например, с помощью местоимений и глагольных форм 2-го лица, обращений, императивов, вопросов и т.п. В нашей системе, принятой для анализа писем в газету, целевой адресат — это то же самое, что прямой.

Косвенным адресатом принято называть участника канонической коммуникативной ситуации, к которому говорящий не обращается, но на которого он, тем не менее, ориентирует свою речь: “незримое” присутствие косвенного адресата влияет на выбор формы и содержание высказывания, которое делает говорящий, не меньше, чем присутствие прямого адресата [20], [15]. Несмотря на то, что понятия прямого и косвенного адресата используют чаще всего в сфере устной коммуникации, это противопоставление оказывается релевантным также для целого ряда письменных и смешанных жанров. Так, Анна А. Зализняк предлагает использовать понятие косвенного адресата для описания таких жанров, как дневник, дарственная надпись на книге, адрес на

современном конверте, адресная формула берестяных грамот, шапка заявления, девичий альбом, поздравительный адрес и др. [21]. Адресованные одному человеку или даже никому формально не адресованные, как альбом, тексты этих жанров тем не менее показывают, что автор помнит о потенциальных читателях. Для писем в газету понятие косвенного адресата представляется не менее важным.

Во-первых, присутствие косвенного массового адресата выводится из общих представлений о параметрах рассматриваемой коммуникативной ситуации: одним из обязательных компонентов медиакommunikации является публичность. Во-вторых, присутствие косвенного адресата может быть установлено на основании собственно **лингвистических свидетельств**. Это, прежде всего, разного рода пояснения и комментарии, в которых сам автор и целевой (прямой) адресат, очевидно, не нуждаются, как в примере (38):

ЭГ: (38) *Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ! Позвольте мнѣ при посредствѣ вашей уважаемой газеты принести отъ лица всего зарубежнаго союза нашихъ русскихъ военныхъ инвалидовъ, горячую, единодушную, благодарностъ графу Д.М. Граббе за великую отзывчивостъ его благороднаго сердца и патриотическое дѣло — устройства въ его имѣнїи въ Польшѣ, близъ историческихъ “Казачьихъ Могиль”, приюта и довольствїя для десяти нашихъ наиболѣе тяжелыхъ инвалидовъ, заброшенныхъ судьбою въ Польшу.* (В-18.08.1925).

Перед нами письмо-благодарность, в котором автор эксплицитно обращается к целевому адресату графу Д.М. Граббе. Но благодарность эта, помимо основной своей фатической функции, выполняет и информативную функцию. Автор письма подробно описывает заслуги графа Д.М. Граббе, за которые его благодарит. Это подробное описание рассчитано на косвенного массового адресата, поскольку самому графу Д.М. Граббе не нужно столько разъяснений о приюте, который он сам же создал. Если бы это было частное письмо, не предполагающее каких-либо других потенциальных читателей, кроме самого графа, то автор, вероятно, ограничился бы более краткой благодарностью, без каких-либо пояснений¹².

¹²Для сравнения процитируем примеры из статьи Анны А. Зализняк [21], посвященной жанру дневника. Исследовательница показывает, что несмотря на то, что дневник — это текст, обращенный к самому себе, автор дневника сознательно вводит избыточные для себя самого комментарии и пояснения в расчете на возможность прочтения этого дневника неким третьим лицом, т.е. косвенным адресатом:

Роль “старшего друга”, советчика исполняет Муля (Самуил Гуревич). Этот человек, интимный друг Али, моей сестры, исключительный человек. (Эфрон Г. Дневники. М., 2004. Т. 1. С. 16.)

Похожим образом дело обстоит с письмом А. Серафимовича, в котором он полемизирует с А. Луначарским по поводу изображения “попов” в советских театральные постановках (см. пример (39)):

СГ: (39) *Т. Луначарский с ехидными ужимочками ни к селу, ни к городу спрашивает: а не знает ли т. Серафимович автора пьесы, где изображается поп, которого красноармейцы ведут на расстрел, а он от- вратительно извивается. <...>*

Только вот мужества прямоты и искренности у т. Луначарского не хватило. Почему он не расска- зал о той гнусной, подлой травле, которую разыграли вокруг этой пьесы театральные спецы, употребляя все усилия, всяческие приемы, лишь бы сорвать по- становку ее?

Об этом т. Луначарский ни гу-гу.<...>

С этой пьесой т. Луначарский орудует за спиной читателя. <...>

Т. Луначарский, да вы помогите поставить эту пьесу на московском театре. <...>

Если же она окажется не такой, и хоть что-ни- будь скажет уму и сердцу т.т. красноармейцев и ра- бочих, вы, окажется, маленько... “ошибку давал”.

А?

Если же вы уклонитесь и втихомолочку засидите это предложение, тогда ясно тут одно: проворство рук за спиною читателя.

Не стал бы трогать этой истории, не до того теперь. Но раз вы выволокли это грязное белье, при- ходится приоткрыть уголок этого разлагающегося театрального мира, к которому и вы будто имели некоторое отношение за эти три года. (П-18.02.21).

При внимательном прочтении этого письма легко заметить, что его автор постоянно говорит о А. Луначарском то в 3-м лице, как о герое сообщения (преследуя при этом цель – выразить свое возмущение перед всеми читателями газеты), то обращается к нему, как к своему собеседнику, используя при этом 2-е лицо. Таким образом, получается, что у письма, помимо целевого адресата – А. Луначарского, есть еще и косвенный – чита-

тельская аудитория. При этом не совсем понятно, кто из этих адресатов важнее¹³.

В большинстве случаев формы второго лица и перформативное и близкое к нему употребление глаголов, обозначающих речевые акты (*благодарю, прошу* и т.п.), позволяют легко вычленить прямого адресата (см. пример (38), (39)). В следующем при- мере (40) отсутствие такого рода формальных по- казателей не позволяет с достаточной достоверно- стью судить о том, какой адресат является прямым и на каких правах (прямого или косвенного адре- сата) здесь присутствует массовый адресат. В этом примере представлено ответное письмо Е. Ярославскому от издательства “Юный ленинец”:

СГ: (40) *Просим напечатать в ответ на письмо тов. Ярославского (“Правда” № 179), следующее:*

В апреле с.г. мы обратились к т. Ярославскому с просьбой разрешить нам издать сборник его ста- тей для юных ленинцев. В ответ на наше письмо было получено письмо секретаря т. Ярославского о том, что он сам своих статей не собирает, но что разрешает это сделать нам и не возражает против отпечатания их отдельной брошюрой.

Пользуясь разрешением, мы собрали все статьи т. Ярославского, разновременно помещенные в пионер- ских журналах, в том числе и его автобиографию, помещенную в журнале “Барабан”, учитывая тот острый интерес, который проявляют пионеры к био- графиям наших партийных руководителей. Никаких рекламных целей издательство перед собой не имело, так как оно вообще не преследует никаких других це- лей, кроме одной: снабжение пионера нужной и полез- ной литературой. Издательство “Юный Ленинец”. (П-25.08.1925).

¹³ Французский исследователь Д. Менгено, рассматривая так называемые «публичные письма» (“*lettres publiques*”), т.е. письма, адресованные широкой публике, например, пред- выборное обращение кандидата в президенты к народу, ис- пользуется театральную метафору: публичные письма, в его понимании, это частные письма, перенесенные в ситуацию театральной постановки перед публикой (“*une mise en scène publique de la relation épistolaire privée*”). В этой ситуации про- исходит то же, что и в театре: каждое слово, произнесенное на сцене, адресовано еще и публике. При этом публика явля- ется главным адресатом всего происходящего [22].

В работе [20, с. 92] говорится об аналогичной ситуации в уст- ном общении: «Всякий раз, когда под влиянием контекста происходит перестановка в иерархии адресатов, можно го- ворить о «коммуникативном тропе»: т.е. часто случается, что роль адресата, которого по формальным показателям (на- пример, из-за использования обращения) следует считать прямым, в действительности второстепенна, основным же адресатом высказывания является тот, кто по всем призна- кам имеет статус косвенного» (Перевод наш – Е. Н.).

Я всегда люблю поспорить с Котом (Константином Эфроном), моим двоюродным братом. (Там же. С. 17.)

Таким образом, «в коммуникативной ситуации дневника адресат как фактор, формирующий жанр, представляется устроенным следующим образом. *Непосредственным адре- сатом* всегда является сам автор; однако имеется еще *косвенный адресат* – потенциальный читатель, в том числе “потомки”».

Перед нами оправдательное письмо в ответ на протест Е. Ярославского против несогласованной с ним перепечатки его автобиографии в некой брошюре. С одной стороны, понятно, что раз письмо является ответом на письмо другого человека, то основным (прямым) адресатом рассматриваемого письма следует считать Е. Ярославского, а основной коммуникативной целью автора — оправдаться перед Е. Ярославским. В этом случае массовый адресат имеет статус косвенного, поскольку эксплицитно он никак не выражен. С другой стороны, издательство “Юный ленинец” явно преследует и вторую цель — доказать свою невиновность перед свидетелями, т.е. перед массовым адресатом. Если бы не было второй цели, то в письме не приводилась бы столь подробная информация об этапах переписки (см. абзац, выделенный полужирным шрифтом). Эта информация является избыточной для самого тов. Ярославского, потому что все это и так должно быть ему известно, но она совершенно необходима в письме для введения в курс дела некоего третьего адресата (в данном случае массового). Кроме того, письмо, как уже было сказано, не содержит формальных показателей прямого адресата: текст построен как нарратив (с использованием прошедшего времени глаголов), героем которого является Е. Ярославский. При таком понимании ситуации косвенным адресатом следует считать уже Е. Ярославского, а прямым — читателей газеты. Таким образом, получается, что в данном письме нет единого адресата, который был бы главным, можно считать, что здесь их два. При этом решить, кто прямой, а кто косвенный затруднительно.

Последний пример показывает, что для анализа жанра “письмо в газету” оппозиция прямой vs. косвенный адресат не всегда применима. Жанры, анализируемые А. Зализняк [21], в этом смысле значительно проще, поскольку у них всегда существует четкая граница между прямым и косвенным адресатом (эти жанры в принципе не предназначены для прочтения широкой публикой, и она всегда является косвенным адресатом). Ситуация с письмами в газету несколько иная. Сам факт публикации письма предполагает учет массового адресата, значит, массовый адресат присутствует в любом письме в газету, даже если на его присутствие эксплицитно не указывают никакие языковые средства. Однако не всегда ясен статус массового адресата: в тех письмах, где прямой (целевой) адресат очерчен нечетко, трудно говорить о косвенности массового адресата.

Кроме излишней эксплицитности объяснений, наличие массового адресата у писем в газету сказывается еще и на способе отсылки к целево-

му адресату. Как можно заметить из приведенных примеров, в письмах в газету о целевом адресате часто говорится в 3-м лице (т.е. вместо, как кажется, более привычной формы 2-го лица *обращаюсь к вам, друзья* пишут *обращаюсь к друзьям*). Представим следующую ситуацию: люди собрались в зале на заседании, и председатель заседания просит их проголосовать (т.е. в данной ситуации адресат — группа людей, не массовый, а коллективный адресат). Он может обратиться ко всем присутствующим, используя как 2-е лицо (*Друзья, прошу вас проголосовать*), так и 3-е (*А теперь пусть все присутствующие проголосуют*). В этой же самой ситуации, но обращаясь уже к отдельному человеку (к единичному адресату), председатель опять же может использовать и 2-е (*А теперь, Василий Петрович, проголосуйте, пожалуйста*), и 3-е лицо (*А теперь пусть проголосует Василий Петрович*). Но в ситуации, когда адресант обращается к единичному адресату, и при этом речевом акте никто не присутствует, использование 3-го лица невозможно. То есть сказать *Пусть Вася выйдет из комнаты* нельзя в случае, если при этой просьбе присутствует только говорящий и Вася. В данной ситуации обращение к адресату во 2-м лице представляется единственным возможным (*Вася, выйди из комнаты*). Таким образом, выбор этой формы обращения (в 3-м лице) объясняется тем, что речевой акт обращения протекает в присутствии других людей. В случае с письмами в газету “третьими лицами” являются читатели газеты, т.е. массовый адресат. Указание на единичного целевого адресата в 3-м лице особенно часто встречается в письмах-благодарностях, см. примеры (38), (41), (42):

СГ: (41) *Кроме того, благодарим старшего по эшелону тов. Хованского за хорошую постановку дела и заботы об эшелоне.* (И-04.06.1921).

(42) *Хотя жизнь моя и не представляет особенной ценности, но все же я считаю необходимым через посредство вашей уважаемой газеты выразить горячую благодарность вагоновожатому трамвая № 17-й тов. Бородулину за спасение моей жизни быстрой остановкой вагона в тот момент, когда я, поскользнувшись (вблизи ЦК РКП), очутился между двумя ставками колес.* (И-15.03.1923).

В случае, если бы благодарность единичному адресату выражалась в частной переписке (один адресант — один адресат), пишущий, как и в случае устного контактного общения, вряд ли бы использовал для этого 3-е лицо. Ср. примеры из частных писем:

(43) *Благодарю Вас, дорогая, за скорый ответ на мое письмо* (из письма А.И. Булгакова к В.М. Покровской, 1889 [23, с. 43]).

(44) *Спасибо тебе, дорогой друг, за поздравление, которое пришло ко мне вчера* (Из письма М.А. Булгакова к А.П. Гдешинскому, 1939 [23, с. 186]).

Итак, наличие массового адресата (косвенного или некосвенного) в коммуникативной ситуации “письмо в газету” приводит к очень важным смещениям в области типовых интенций конкретных поджанров. Автор письма в газету, создавая текст, не в последнюю очередь заботится о том, чтобы сделать его как можно более понятным массовому адресату, поэтому он максимально эксплицирует то, что адресат письма мог бы легко вычислить сам в ситуации, например, частной переписки. В связи с этим мы можем наблюдать некоторое сближение писем самых разных поджанров с информативными и апеллятивными поджанрами. Так, письмо-благодарность считается этикетным жанром фатической коммуникации, но за счет расширения информативной зоны (автор стремится подробно описать то, за что он кого-то благодарит) оно приближается к сообщению – информативному по своей природе жанру. Что же касается, апеллятивной составляющей, то она присутствует почти во всех письмах в газету: авторы писем стремятся построить свой текст так, чтобы он привлек внимание как можно большего количества читателей (например, используют для этого призывы, расхваливают или, наоборот, ругают что-либо и т.п.). Даже если письмо обращено к конкретному целевому адресату, та или иная иллюкутивная цель по возможности воплощается так, чтобы текст был интересен и понятен для массового читателя.

Итак, приведем список рассмотренных выше **типичных способов обозначения прямого и косвенного адресата**.

Для выражения **прямого адресата** в нашем корпусе писем используются следующие языковые средства:

- Обращения;
- Местоимения и глагольные формы 2-го лица;
- Императив;
- Местоимения и глагольные формы 3-го лица, именные группы. Такое оформление прямого адресата может свидетельствовать о наличии косвенного адресата или второго прямого адресата (например: *Дорогие коллеги! Позвольте поздравить Васю с победой, которую он в полной мере заслужил!* – прямой адресат *Вася* описывается в 3-м лице, поскольку в тексте есть другой прямой адресат *коллеги*, для которого говорящий использует 2-е лицо);

На прямого адресата также указывают:

– Перформативное употребление глаголов, обозначающих речевые акты (*благодарю, прошу*);

– Вопросы;

– Этикетные формулы типа *пожалуйста, спасибо* и т.п.

О присутствии **косвенного адресата** могут свидетельствовать следующие факты:

– Оформление прямого адресата местоимениями и глагольными формами 3-го лица (как в письме Луначарскому);

– Повышенная эксплицитность, наличие комментариев, знакомящих косвенного адресата с референтной ситуацией;

– Отсутствие смыслового эллипсиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье мы рассмотрели **фигуру автора** писем в газеты с точки зрения двух оппозиций:

1) Количество пишущих: персональный vs. коллективный автор;

2) Личностное начало в тексте: человек частный vs. человек социальный.

Как оказалось, в письмах в советские и в эмигрантские газеты эти оппозиции соотносятся между собой по-разному. В советской прессе автор чаще выступает как человек социальный: даже если письмо написано одним человеком (персональным автором), содержание письма, как правило, касается не личной сферы автора, а каких-то общественно-значимых вопросов. Это лишний раз подтверждает тот факт, что в советском дискурсе общественная сфера преобладала над частной. В эмигрантских же письмах в равной мере представлены два типа автора – человек частный и человек социальный.

Кроме того, в письмах в советские газеты нам удалось обнаружить следующую корреляцию между социальным статусом автора и содержанием письма: чем в большей степени содержание письма касается личной сферы автора, тем вероятнее, что автор – известное лицо. Письма простых людей публиковались лишь в том случае, когда персональный автор выступал в амплу социального человека. В эмиграции такой тенденции нет: вне зависимости от своего социального статуса любой человек мог писать о своих личных проблемах. Это различие показывает, насколько ранжировано было советское общество.

Затем мы проанализировали **фигуру адресата** писем в газеты. Мы выделили три типа адресата, одновременно задействованных в рассматриваемой коммуникативной ситуации:

1. Массовый адресат – читательская аудитория газеты;

2. Формальный адресат – главный редактор газеты, к которому обращены этикетные формулы в письмах;

3. Целевой адресат – человек или группа людей, к которым в действительности обращено коммуникативное намерение автора письма.

Массовый адресат присутствует в любом письме в газету: о его присутствии говорит сам факт публикации письма в газете, вне зависимости от того, как этот адресат выражен (эксплицитно или нет).

Формальный адресат по-разному представлен в письмах в эмиграции и в СССР. Поскольку формальный адресат упоминается преимущественно в этикетных формулах, факт его наличия или отсутствия отражает большую или меньшую вежливость письма. В эмигрантских письмах формальный адресат присутствует всегда, потому что этикетные формулы являются неотъемлемой их частью. В советских же письмах предваряющие и завершающие этикетные формулы практически полностью вышли из употребления. Это явление отражает важную тенденцию развития советского дискурса: в послереволюционной России прежний этикет ушел из обращения, а новый еще не укоренился. Иначе говоря, на материале писем можно проследить за тем, как в новых социальных условиях складываются новые речевые практики.

Наличие или отсутствие упоминания в тексте целевого адресата зависит от коммуникативной установки автора письма. Так, в письмах одних поджанров обращение к целевому адресату важнее, чем в письмах других поджанров. Например, в письмах-благодарностях реализация иллокутивного намерения автора вообще невозможна без указания целевого адресата.

Целевой адресат может быть обособленным, а может совпадать с формальным и массовым. При этом каждый из них маркируется определенным набором языковых средств и речевых приемов. Если фигура целевого адресата всегда выражена в тексте эксплицитно, то фигура массового адресата часто выражается косвенно, поэтому при описании этих двух типов адресата удобно использовать оппозицию “прямой vs. косвенный адресат”.

Используемые сокращения

ЭГ – эмигрантские газеты

СГ – советские газеты

ПН – Последние новости

В – Возрождение

П – Правда

И – Известия

Источники

Последние новости. Париж (номера за 1920–1929 гг.) [Poslednie Novosti newspaper. Paris. 1920–1929.]

Возрождение. Париж (номера за 1925–1929 гг.) [Vozrozhdenie newspaper. Paris. 1925–1929.]

Правда. Москва (номера за 1920–1929 гг.) [Pravda Newspaper. Moscow. 1920–1929.]

Известия. Москва (номера за 1920–1929 гг.) [Izvestiya newspaper. Moscow. 1920–1929.]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 250–296. [Bakhtin, M.M. [The Problem of Speech Genres]. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creation]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. P. 250–296.]
2. *Бюлер К.* Принципы науки о языке // Бюлер К. Теория языка. М., 1993. С. 20–66. [Bühler, K. [Principles of Language Science]. Bühler, K. *Teoriya yazyka* [Theory of Language] Moscow, Progress Publ., 1993. P. 20–66.]
3. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Якобсон Р. Структурализм: “за” и “против”. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230. [Jacobson, R. [Linguistics and Poetics]. Jacobson, R. *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: Pro and Contra]. Moscow, Progress Publ., 1975. P. 193–230.]
4. *Hymes D.* Models of the interaction of language and social life. In J. Gumperz & D. Hymes (eds), Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication. New York: Holt, Rhinehart & Winston. Pp. 35–71.
5. *Земская Е.А., Китаigorodskaya М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. [Zemskaya, E.A., Kitaigorodskaya, M.V., Shiryayev, E.N. *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech: General Issues. Derivation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981.]
6. *Китаigorodskaya М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. 2-е изд. М.: Научный мир, 2005. [Kitaigorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. *Rech' moskvichei. Kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt. 2-e izdanie*. [The Speech of Muscovites. Communicative-Culturological Aspect. The 2nd Edition]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2005.]

7. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 1. Саратов: Изд-во ГосУНЦ “Колледж”, 1997. С. 88–98. [Shmeleva, T.V. [A Model of Speech Genre]. *Zhanry rechi: sbornik nauchnykh statei. Vypusk 1*. [Genres of Speech: Collection of Research Papers. Volume 1]. Saratov, GosUNC kolledzh Publ., 1997. P. 88–98.]
8. Муравьева Н.В. Язык конфликта. М.: Изд-во МЭИ, 2002. [Murav'eva, N.V. *Yazyk konflikt* [Language of Conflict] Moscow, MEI Publ., 2002.]
9. Солганик Г.Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 2001, № 3. С. 74–83. [Solganik, G. Ya. [Author as a Style-Forming Category of the Journalistic Text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Moscow State University Bulletin. Series 10. Zhurnalistika]. 2001, Vol. 3. P. 74–83.]
10. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. [Kitaigorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. *Yazykovo sushchestvovanie sovremennogo gorozhani-na: Na materiale yazyka Moskvy* [Language Existence of the Modern Urban Citizen: Based on the Language of Moscow]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010.]
11. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. “Я так хочу назвать кино”. “Наивное письмо”: Опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. [Kozlova, N.N., Sandomirskaya, I.I. “*Ya tak khochu nazvat' kino*”. “*Naivnoe pis'mo*”: *Opyt lingvo-sotsiologicheskogo chteniya* [“I Want to Name My Film in This Way”. “Naïve Letters”: A Linguo-Sociological Reading]. Moscow, Gnozis Publ., Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996.]
12. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 28. М.: ВИНТИ РАН, 1986. С. 5–33. [Apresyan, Yu.D. [Deixis in Lexicon and Grammar and the Naïve Model of World]. *Semiotika i informatika. Sbornik nauchnykh statei. Vypusk 28* [Semiotics and Informatics. Collection of Research Papers. Volume 28]. Moscow, VINITI RAN Publ., 1986. P. 5–33.]
13. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Новая Жизнь, № 12, 13 ноября 1905. Цит. по: http://www.revolucia.ru/org_lit.htm (дата обращения 18.01.2018). [Lenin, V.I. [Party Organization and Party Literature]. *Novaya Zhizn'. № 12, 13 noyabrya 1905* [New Life. Volume 12, 13 November 1905]. Cited by: http://www.revolucia.ru/org_lit.htm (accessed on 18.01.2018).]
14. Никишина Е.А. Жанровое своеобразие писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.). М.: Издательский Дом ЯСК (Studia philologica), 2017. [Nikishina, E.A. *Zhanrovoe svoeobrazie pisem chitatelei v gazety (na materiale emigrantskikh i sovetskikh gazet 20-kh godov XX v.* [Genre Characteristics of Readers' Letters to Newspapers (Based on Emigrant and Soviet Newspapers of 1920^{ths})]. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK Publ., 2017.]
15. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. [Formanovskaya, N.I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod*. [Verbal Communication: Communicative-Pragmatic Approach]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2002.]
16. Вайс Д., Куммер Р. Советский дискурс о пище // Еда по-русски в зеркале языка (коллективная монография). Н.Н. Розанова, М.В. Китайгородская, У. Долешал, Д. Вайс и др. М.: РГГУ, ИРЯ РАН, 2013. [Weiss, D., Kummer, R. [Soviet Food Discourse]. *Eda po-russki v zerkale yazyka (kollektivnaya monografiya)* [The Russian Food in the Language Perspective (Collective Monograph)]. N.N. Rozanova, M.V. Kitaigorodskaya, U. Doleschal, D. Weiss i dr. Moscow, RGGU Publ., IRYA RAN Publ., 2013.]
17. Прохоров Е.П. Эпистолярная публицистика. М.: Изд-во МГУ, 1966. [Prokhorov, E.P. *Epistolyarnaya publitsistika* [Epistolar Publicism]. Moscow, MGU Publ., 1966.]
18. Ожегов С.И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1951, т. X, вып. 1. С. 22–36. [Ozhegov, S.I. [A Sketch of Development of the Russian Language in the Soviet Epoch]. *Izvestiya AN SSSR, Otdelenie literatury i yazyka, tom X, vypusk 1*. [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language. Volume 10. Number 1]. 1951. P. 22–36.]
19. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике: Сб. науч. тр. Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1986. С. 10–17. [Pocheptsov, G.G. [On Communicative Typology of the Addressee]. *Rechevye akty v lingvistike i metodike: Sbornik nauchnykh trudov* [Speech Acts in Linguistics and Methodology: A Collection of Research Papers]. Pyatigorsk, PGPIIYa Publ., 1986. P. 10–17.]
20. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales. Tome I. Paris: Armand Colin, 1990
21. Зализняк Анна А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (дата обращения 18.01.2018) [Zaliznyak, Anna A. [A Diary: Towards a Definition of the Genre]. *Novoe literaturnoe obozrenie. № 106* [The New Literary Observer. Volume 106]. Moscow, 2010. P. 162–180. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (accessed on 18.01.2018).]
22. Maingueneau D. Scénographie épistolaire et débat public. In J. Siess (ed.), *La lettre entre réel et fiction*. Paris: Sedes, 1998. Pp. 55–71.
23. Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zemskaya, E.A. *Mikhail Bulgakov i ego rodnye: Semeinyi portret* [Mikhail Bulgakov and his Relatives: A Family Portrait]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004.]